

КАЗАНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА

На правах рукописи

А. В. НАУМОВ

МОТИВЫ УБИЙСТВ

(УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ)

(№ 715 уголовное право и уголовный процесс)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Казань—1967

Работа выполнена на юридическом факультете
Казанского государственного университета
им. В. И. Ульянова-Ленина.

Научный руководитель—кандидат юридических наук,
доцент **Б. С. Волков.**

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Доктор юридических наук, профессор **Н. И. Загородников**

Кандидат юридических наук, доцент **М. П. Михайлов**

Ведущее учебное заведение—Саратовский юридический институт
им. Д. И. Курского.

Автореферат разослан *25 октября* 1967 г.

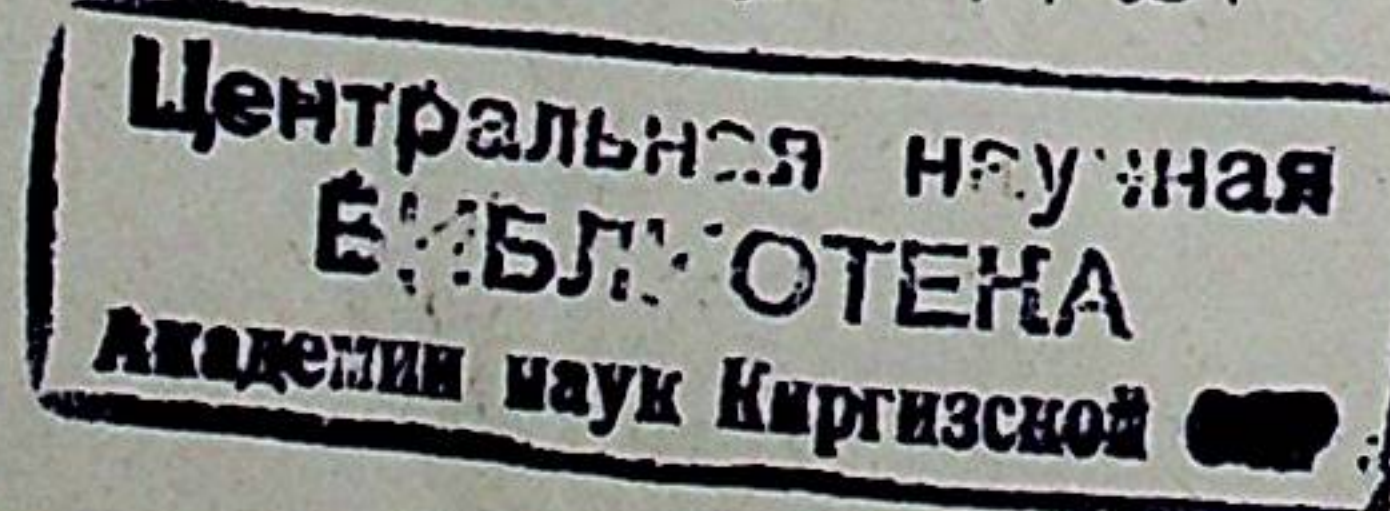
Защита диссертации состоится *в конце ноября* 1967 г.

на заседании Совета по присуждению ученых степеней по юридическим наукам Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина (г. Казань, ул. Ленина, 18, конференц. зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
им. Н. И. Лобачевского.

Ученый секретарь Совета, доцент *Эртевциан* **А. Н. Эртевциан.**

294721

Проблема мотива преступления — одна из сложных и вместе с тем мало разработанных проблем в советском уголовном праве. Она неразрывно связана с изучением причин преступности, разработкой путей и средств ее предупреждения. Особенно важное практическое значение эта проблема приобретает в свете выполнения поставленной перед советским народом задачи по искоренению всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности, устранению всех причин ее порождающих.¹

Решение этой задачи нацеливает советских юристов на всестороннее изучение (в социологическом и психологическом аспектах) личности преступника, раскрытие «механизма» преступного поведения, что неизбежно должно предполагать разработку содержания субъективных свойств преступления и в особенности его мотивов.

В настоящей диссертации делается попытка исследования мотивов одного из самых опасных по советскому уголовному праву преступлений—убийства. Предмет исследования в значительной степени вызван потребностями практики, задачами уголовно-правовой борьбы с этими тягчайшими преступлениями против личности и отсутствием специальных работ, посвященных этому вопросу. Тогда как, нельзя не отметить, сама конструкция уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за убийство, а также практика их применения выдвигает целый ряд вопросов, требующих специального исследования и разработки именно содержания мотивов этих преступлений.

Мотив преступления оказывает большое влияние на классификацию убийств. Наличие одних мотивов (корысть, хулиганские побуждения и т. п.) превращает преступление против жизни в квалифицированное, напротив, другие мотивы могут смягчать ответственность виновного за совершение убийства (мотивы убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны). Таким образом, особенность конструкции норм УК, определяющих ответственность за противоправное лишение жизни в зависимости от установления мотива ставит правильную квалификацию убийства. Нельзя не отметить, что большая часть ошибок в квалификации

¹ Программа КПСС. М., 1961, стр. 106. См. также «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». «Правда» от 22 августа 1967 г.

убийств допускается судебно-следственной практикой в результате неправильного определения мотивов этих преступлений. (По данным обобщения практики Верховного суда Татарской АССР по делам об умышленных убийствах ошибки в их квалификации чаще всего связаны с установлением субъективной стороны, в особенности мотивов совершенных убийств).

Содержание мотива преступления находится в тесной связи с характеристикой личности виновного, определенных нравственных качеств, ему присущих, без чего невозможно определение степени общественной опасности убийства и лица, его совершившего. Указанное обстоятельство и определяет роль мотива как в назначении наказания, так и в установлении мер по исправлению осужденного за умышленное убийство.

Недостаточная разработка этих вопросов в теории, наличие спорных и неразрешенных вопросов, отрицательно влияющих на судебную и следственную практику и определило выбор темы данной диссертации.

Диссертация написана на основе Программы КПСС и других решений партии и правительства, произведений классиков марксизма-ленинизма, прежнего и действующего законодательства Союза ССР и союзных республик, специальной литературы по уголовному праву, криминологии, смежным отраслям права, а также по философии и психологии, результатов проведенного автором социологического исследования. В работе широко использованы материалы изучения судебной практики Верховного Суда Татарской АССР, народных судов г. Казани и других городов и районов ТАССР за 1961—1966 гг., не опубликованной судебной практики Верховного Суда РСФСР за 1965—1966 гг., обобщений судебной практики по делам об умышленных убийствах, проведенных Верховным Судом Татарской АССР (1963 и 1965 гг.), Верховным Судом Удмуртской АССР (1962, 1963 и 1965 гг.), Верховным Судом Марийской АССР (1965—1966 гг.), Горьковским областным судом (1966 г.) и Саратовским областным судом (1966 г.). Кроме того, в работе использованы материалы Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и опубликованная практика Верховного Суда СССР и РСФСР.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Первая глава посвящена раскрытию понятия мотива преступления и его значения для уголовной ответственности.

Преступление — есть частный вид человеческой деятельности. Поэтому уголовно-правовое понятие мотива должно опираться на определение мотива, даваемое в общей психологии.

В психологической науке под мотивом понимаются факторы активности личности, движущая сила, лежащая в основе действий человека, источник поведения. Единодушно считая мотив исходной побудительной причиной, советские психологи, однако, расходятся во мнении о том, какие факторы конкретно можно считать двигате-

лями человеческой воли, а, следовательно, и мотивами. Одни авторы считают, что в качестве мотива выступает единственный фактор — потребности человека.¹ Другие же, признавая потребность главным фактором поведения человека, не отрицают существования и других побуждений.²

Вторая точка зрения представляется более правильной. Окружающая природа, общество по разному действуют на человека, в одних случаях, пробуждая в них потребность как стимул к действию, в других — заглушая эти внутренние потребности, в третьих, вызывая действие посредством иных факторов. Ф. Энгельс упрекал представителей механистического материализма XVIII века не за то, что они признавали существование идеальных побудительных сил, а за то, что они «останавливаются на них, не идут дальше к движущим причинам этих побудительных сил».³

Помимо потребностей, мотивами человеческого поведения могут стать и такие факторы, как эмоции, чувства, интерес, мировоззрение, наконец, этические требования общества к индивиду.

Ввиду особой важности потребностей в мотивации человеческой деятельности взгляд на мотив как на потребность получил широкое распространение и среди криминалистов. Однако, как было отмечено, потребности не всегда приводят к противоправному действию, что целиком соответствует психологии преступления. Так, распространенными мотивами преступлений против жизни являются месть, ревность, личная неприязнь, которые не столько связаны с потребностями, сколько с чувствами и эмоциями лица.

Поведение человека, его воля, а, следовательно, и мотивы причинно обусловлены, опосредованы материальной действительностью точно также, как и все явления природы и общества.

Антиобщественная установка есть результат воздействия не только окружающей среды, но одновременно и внутреннего мира личности, присущих ей определенных нравственных качеств, побуждений. Поэтому выяснение того, какие конкретно факторы могут лежать в основе мотива преступления, имеет важное криминологическое значение, помогает объяснению действия «механизма» преступного поведения, без чего практически невозможна работа по предупреждению преступлений.

Большое значение установление характера мотива, в частно-

¹ См. напр. Ш. Ш. Чхартишвили. Место потребности и воли в психологии личности. Вопросы психологии, 1958, № 2, стр. 116—121; В. Н. Колбановский. О личности как предмете психологической науки. Вопросы психологии, 1956, № 3, стр. 20—24.

² См. С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 564; А. В. Веденов. Личность как предмет психологической науки. Вопросы психологии, 1956, № 1, стр. 21—25; В. И. Селиванов. О побудительных силах поведения личности. Вопросы психологии, 1957, № 3, стр. 110—111; П. И. Иванов. Общая психология. Ташкент, 1964, стр. 340.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в 2-х томах, т. 2, М., Госполитиздат, 1952, стр. 372.

сти его социально-психологического содержания имеет и для квалификации преступлений, особенно против жизни.

Однако выявить тот или иной фактор в качестве побудителя воли еще не означает раскрытия внутренней пружины человеческих действий и, в частности, преступления. Не менее важное значение имеет выяснение того, почему и как этот фактор (потребность, чувство) стал мотивом. Для того, чтобы мотив реально вызвал деятельность, нужна постановка определенной, соответствующей мотиву цели.¹ Именно цель превращает таящиеся внутри психики влечения, чувства в движущие мотивы. От цели же зависит и вид деятельности, ее способ, средство.

Значение цели в процессе мотивации преступного поведения настолько велико, что, игнорируя ее, невозможно установить то звено, тот мостик, который связывает ту или иную потребность, чувство человека с совершением преступления, невозможно установить, когда же эти переживания, эмоции ограничиваются внутренним миром личности, и когда они находят свое объективное выражение в преступном деянии. Мотив преступления — это осознанное побуждение (потребность, чувство и т. д.) достигнуть определенной цели путем совершения преступления.

Таким образом, мотив преступления — это социально-психологическая категория, определяемая общественно-экономическими условиями. В определение мотива мы включаем и факторы, являющиеся источником активности личности, совершающей противоправное общественно-опасное деяние, и указание на тот специфический процесс, происходящий в психике преступника, при котором именно эти факторы станут исходными побуждениями к преступлению.

В диссертации подвергается критике трактовка мотива преступления в отрыве от социально-экономических условий, характерная для современного буржуазного уголовного права, особенно США и Англии. Обычно криминалисты этих стран соразмеряют цель и мотив с результатами преступления, выделяя ближайший результат и конечный. Под ближайшим ими понимается тот результат, который находит свое выражение в объективной стороне преступления, это ближайшее последствие они называют целью. Конечный результат — это тот, который лежит за пределами объективного выражения преступления. Этот конечный результат, достижение которого явилось побуждением к преступлению, есть мотив.²

Таким образом, различие между мотивом и целью проводится

¹ См. Психология. Под ред. А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и Б. М. Теплова. М., 1962, стр. 370.

² E. Dangel. Criminal law. Boston, 1951, p. 92—93; P. Brett. An inquiry into criminal guilt. Sydney, 1963, p. 91; R. Perkins. Criminal law. Brooklynn, 1957, p. 719; G. Hall. General principles of criminal law. New York, 1960, p. 93; W. Clark and W. Marshall. A treatise of the law of crimes. Chicago, 1952, p. 80—81; R. Cross and P. Gones. An introduction to criminal law. London, 1959, p. 42.

чисто формально-логическим путем, в понятие мотива не вкладывается социального и психологического содержания. Это и понятно. Раскрывая социальное содержание мотива преступления, его причинную обусловленность, буржуазным правоведам пришлось бы затронуть истинные причины преступности в современном капиталистическом обществе — наличие классовых непримиримых противоречий, ему присущих.

Глава вторая посвящена исследованию значения мотива преступления для квалификации убийств.

В параграфе первом дается понятие и общая характеристика убийства по советскому уголовному праву, большое внимание уделено анализу субъективной стороны убийства, рассмотрению соотношения умысла и мотива этого преступления.

Установление мотива преступления имеет важное значение для определения умысла, а вместе с тем и формы вины преступлений против жизни. В последнее время в юридической литературе было высказано мнение о том, что если мотив и цель являются признаками состава, то соответствующее преступление может быть совершено только с прямым умыслом.¹

Применительно к цели преступления данное положение не вызывает возражения. Цель, представляя собой тот результат, к которому стремится преступник, означает желание наступления тех последствий своего общественно-опасного деяния, достижение которых причинно обуславливает осуществление этих целей. Например, п. «е» ст. 102 УК РСФСР предусматривает ответственность за умышленное убийство с целью облегчить или скрыть другое преступление. В данном случае желание виновного достигнуть указанных целей предполагает и желание наступления смерти потерпевшего, поэтому с субъективной стороны данный состав означает наличие прямого умысла.

Несколько иная зависимость существует между мотивом и формой умысла тех преступлений, в частности убийств, для которых законодатель в качестве обязательных признаков состава предусмотрел не цель, а мотив преступления. Наличие в составе преступления такого признака, как мотив, не означает, что психическое отношение виновного к последствиям своего общественно-опасного деяния обязательно выражается в форме прямого умысла. Мотив, являясь побуждением к действию, служит объяснению, почему ставится та или иная цель. На основе мотива могут возникать различные цели. Преступления, совершенные с косвенным умыслом тоже являются целенаправленными. Однако цель в этом случае не простирается на общественно-опасный результат, а выражается в самом совершенном общественно-опасном действии. Мотив при убийстве с эвентуальным умыслом является непосредственным побуж-

¹ См. Советское уголовное право. Часть общая. М., изд. «Юридическая литература», 1966, стр. 201.

дением к совершению общественно-опасного действия. Интеллектуальный же момент этой разновидности умышленной деятельности— осознание и предвидение наступления общественно-опасного последствия своего действия (смерть потерпевшего) позволяет рассматривать первоначальное побуждение и в качестве мотива всей преступной деятельности лица в целом, включая и наступившие последствия. Таким образом, включение мотива в число признаков состава преступления не исключает возможности совершения этого преступления с косвенным умыслом.

Решение этого вопроса имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение, особенно для квалификации убийств. На практике тезис о связи мотива как признака состава с обязательным видом прямого умысла привел бы к неосновательному сужению уголовной ответственности, так как, например, установление косвенного умысла при убийстве исключало бы возможность квалификации совершенного преступления по п. «б» ст. 102 УК РСФСР, что противоречит законодательству, сложившейся судебной практике и характеру субъективной стороны этого состава преступления.

Придавая важное значение субъективной стороне преступления, советское уголовное право всегда связывало оценку общественной опасности убийств с их мотивами, что всегда находило свое отражение в законодательстве. Следует, однако, заметить, что взгляд законодателя на оценку убийств в зависимости от характера побуждений не оставался неизменным. Новое уголовное законодательство союзных республик отказалось от признания всех низменных побуждений обстоятельствами, отягчающими ответственность за убийство. Из общего числа низменных мотивов законодатель выделил особо опасные: корысть, хулиганские побуждения; мотивы, связанные с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга; стремление избежать уголовной ответственности (цель скрыть или облегчить другое преступление) и кровную месть—п. п. «а», «б», «в», «е» и «к» ст. 102 УК РСФСР.¹ Наличие любого из этих мотивов превращает убийство в квалифицированное.

Такие же мотивы, как ревность и месть, ранее рассматриваемые в качестве отягчающих обстоятельств, по новому уголовному законодательству не являются квалифицирующими признаками. Эти побуждения связаны с личными взаимоотношениями, и поэтому убийства, совершенные из этих мотивов, обычно менее общественно опасны, чем, например, убийства из хулиганских побуждений с их резкой направленностью против общественного порядка и

¹ Уголовные кодексы Узбекской ССР, Киргизской ССР и Туркменской ССР признают квалифицированным убийство, совершенное на почве пережитков прошлого или старого быта по отношению к женщине (напр., п. 7 ст. 80 УК Узбекской ССР), а УК Таджикской ССР еще убийство, совершенное на почве пережитков старого быта (п. «к» ст. 104).

неуважением к нормам поведения, принятым в обществе, и взаимоотношениям между людьми.

Для состава убийства, предусмотренного ст. 103 УК РСФСР, мотив не является обязательным признаком. Тем не менее выделение мотива в качестве отягчающего обстоятельства убийства (п. п. «а», «б», «в» и «к» ст. 102 УК РСФСР) делает необходимым и в этом случае тщательно устанавливать мотив, что является необходимым условием правильной квалификации этого преступления.

Тщательное выяснение мотива влияет и на квалификацию составов убийств при смягчающих обстоятельствах—аффектированного убийства (ст. 104 УК РСФСР) и убийства при превышении пределов необходимой обороны, отграничение их друг от друга и от смежных преступлений.

В следующем параграфе дается подробная характеристика основных мотивов убийства, с которыми встречается судебная практика, и рассматриваются различные вопросы, связанные с квалификацией убийств по мотивам их совершения.

Корыстный мотив—одно из самых опасных побуждений убийства, свидетельствующее о большой степени эгоизма и нравственной испорченности виновного. Деньги, имущество и другие материальные выгоды убийца ставит выше человеческой жизни. Хотя убийство из корысти встречается в практике значительно реже, чем убийство по другим мотивам, законодатель справедливо поставил этот состав первым среди умышленных убийств и отягчающих обстоятельств. Общественная опасность корыстных убийств повышается еще и потому, что корыстный мотив является наиболее устойчивым по сравнению с другими мотивами и легче приводит к рецидиву. Так, около 60% лиц, осужденных Верховным Судом ТАССР в 1964 г. за корыстные убийства, являлись уже ранее судимыми, из них половину составляют осужденные за корыстные преступления.

На основе анализа предметного содержания корыстного мотива в диссертации дается разграничение убийства из корыстных побуждений и смежных преступлений. На практике возникает немало затруднений в квалификации корыстных убийств, в особенности при разграничении рассматриваемого преступления как самостоятельного состава и сопряженного с разбоем; корыстного убийства ребенка его родителями или беременной женщины фактическим или юридическим супругом, и совершенного хотя и при аналогичных обстоятельствах, но из других побуждений, например, из личной неприязни, стремления избавиться от потерпевшего и других.

Корыстное убийство может принять также форму убийства с целью уклонения от уплаты денежного долга или возвращения вещей, взятых во временное пользование, однако, в этом случае невозвращение ценностей должно не просто сопутствовать убийству, а определенным образом свидетельствовать о стремлении виновного

нажаться на этом, что также не всегда учитывается в судебной и следственной практике.

Сложным и до конца пока еще не решенным в теории и практике является вопрос о квалификации убийств при охране имущества (особенно малоценного) его владельцем. В диссертации на основе изучения большого количества дел данной категории даются рекомендации судебной практике по решению этих и других вопросов отграничения корыстных убийств от смежных составов.

Особая сложность заключается в квалификации убийств из хулиганских побуждений. Изучение практики Верховного Суда РСФСР показывает, что большую часть приговоров, измененных в порядке кассации и надзора, составляют именно приговора по делам об убийствах из хулиганских побуждений. Хулиганские побуждения в убийстве выступают в виде грубого озорства, пьяной удалы, стремления в самой грубой форме показать свое «могущество и силу», желая поиздеваться над окружающими и вообще обратить на себя внимание циничным поведением.

Для хулиганского мотива с его антисоциальной направленностью, грубым неуважением к обществу и этическим нормам не требуется какого-то определенного повода, чтобы он объективировался во вне, например, в совершении убийства. Личные стремления и интересы виновного, совершающего хулиганское убийство, приобретают форму разнузданного эгоизма, крайнего индивидуализма и полного пренебрежения к другим. Убийца-хулиган открыто противопоставляет себя всему и всем. Виновный в совершении убийства из хулиганских побуждений направляет свои действия не столько против отдельной личности, сколько против общественного порядка, стремится выразить свое неуважение к обществу. Чаще всего виновному безразлично, кто может оказаться в положении потерпевшего. Ему нужен лишь объект для внешнего выражения присущего ему стремления продемонстрировать свою пьяную силу и пренебрежение к обществу.

Именно в этой безотносительности к определенным лицам, и, наоборот, в яркой направленности против общественных норм поведения и взаимоотношений между людьми, не требующей какого-то конкретного обстоятельства, формирующего умысел на преступление, и заключается специфика хулиганского мотива убийства.

На основе социально-психологического содержания хулиганских побуждений в диссертации делается попытка решения одного из самых трудных вопросов квалификации убийств—отграничения убийств из хулиганских побуждений от убийств, совершенных по бытовым мотивам (ревности, мести, личной неприязни и других), а также установления правильного соотношения убийств из хулиганских побуждений и убийств, совершенных в драке или ссоре.

В этом же параграфе специально исследуется содержание таких мотивов, как месть (в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга, кровная месть, месть на поч-

ве бытовых отношений), ревность, религиозные побуждения, мотивы детоубийств и другие побуждения и показывается их значение для квалификации убийств.

В работе также рассматривается (параграф третий) роль мотива для квалификации убийства в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны.

Субъективная сторона преступления не разделена непреодолимым барьером с объективной стороной; деление преступления на внешнюю и внутреннюю стороны—деление условное. Содержание объективной стороны выражает определенную зависимость от мотивов и целей лица, совершающего правонарушение, определяется свойствами его личности.

Мотив получает свою определенность только по отношению к конкретному действию. То или иное побуждение станет мотивом только тогда, когда поставлена соответствующая ему цель. Цель же в свою очередь определяет средства и способы ее достижения. По сути дела мотив определяет пути реализации намеченных целей. Мотив отвечает на вопрос, почему человек действует именно этими, а не другими средствами, способами. Таким образом, между мотивом как элементом субъективной стороны и способом, отражающим объективную сторону преступления, существует определенная зависимость, что, к сожалению, не всегда учитывается судебной следственной практикой при квалификации убийств. Рассмотрению роли мотива в определении отягчающих обстоятельств, характеризующих объективную сторону убийства, и посвящается четвертый параграф данной главы диссертации.

Глава третья «Значение мотива для индивидуализации наказания за совершение убийств и их предупреждения» состоит из трех параграфов.

В параграфе первом рассматривается роль мотива в назначении наказания и в определении мер по исправлению осужденных за умышленные убийства. Процесс индивидуализации наказания, в частности, индивидуализация применения основных средств и методов в процессе исправительно-трудового воздействия вообще не возможен без глубокого изучения как мотивов совершенных ими преступлений, так и мотивов поведения осужденных во время нахождения в исправительно-трудовых учреждениях.

Второй параграф посвящен характеристике роли мотива в устранении причин совершаемых убийств и выработке мер их предупреждения, учитывая, что главное внимание должно быть направлено на предотвращение преступлений.

Обобщенное изучение в масштабе автономной республики такой особо опасной категории преступлений, как убийства, свидетельствует, что их количество неуклонно снижается. Если число осужденных за совершение убийств в 1962 году в Татарской АССР принять за 100%, то окажется, что в 1963 году их было 77%, в 1964 году—73%, а в 1965—60,6% по сравнению с 1962 годом.

В плане исследуемого вопроса в работе рассматривается соотношение конкретных причин убийств с общими причинами преступности в СССР и условиями, способствующими совершению преступлений, а также определение места мотива в цепи явлений, причинно обуславливающих совершение преступления.

Говоря о криминологическом значении мотива преступления, в первую очередь, следует указать, что мотив наилучшим образом характеризует качественную структуру преступности.

Результаты исследований уголовных дел об убийствах, проведенных в разное время в нашей стране, дают следующую картину мотивов совершаемых убийств (в процентах).

	1924 г.	1927 г.	1934 г.	1958 г.	1964 г.
Корысть	27,6	27,6	20,4	9,0	8,8
Хулиганские побуждения	3,2	3,2	27,8	20,0	29,4
Месть	19,3	15,0	15,3	—	19,1
Ревность	31,3	31,3	5,1	—	11,3
Ссора	17,0	17,0	30,0	15,0 ⁴⁾	20,7 ⁵⁾
Прочие	1,6 ¹⁾	5,9 ²⁾	1,4 ³⁾	—	10,7 ⁶⁾
<i>Итого</i>	100%	100%	100%		100%

Проведенное нами изучение материалов кассационной и надзорной практики Верховного Суда РСФСР по делам об умышленных убийствах за 1966 год, достаточно высокая репрезентативность полученных данных позволяет сделать следующие выводы о мотивах убийств, совершаемых в РСФСР.

Корысть	7,0
Хулиганские побуждения	25,0
Месть в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга, а также стремление воспрепятствовать этой деятельности	7,1
Месть (на почве бытовых отношений)	37,7
Ревность	11,1
Стремление избежать уголовной ответственности	6,0
Прочие мотивы (стремление избавиться от потерпевшего, личная неприязнь, садистические и половые побуждения)	6,1
<i>Итого</i>	100%

¹ См. Сб. Убийства и убийцы. М., 1928, стр. 52.

² См. Проблемы уголовной политики. Кн. 3, М., 1937, стр. 72.

³ Там же.

⁴ См. Социалистическая законность, 1959, № 1, стр. 24—25.

⁵ Вместе с убийствами в драке.

⁶ См. Вопросы криминалистики, М., 1964, № 11, стр. 69.

Приведенные данные свидетельствуют о постоянном изменении качественной структуры преступности, в частности, убийств. Резко, например, сократились корыстные убийства. В настоящее время убийства в основном совершаются на почве бытовых взаимоотношений (ревность, месть, и т. д.) и из хулиганских побуждений.

Разумеется, эти показатели нельзя безоговорочно сравнивать друг с другом. Следует учитывать, что они являются отражением не только динамики преступности, соответствующей определенному времени, но и состояния уголовно-правовой борьбы с этими видами преступлений, в частности, с их квалификацией, которая, нельзя не отметить, была изменчивой на протяжении указанного времени. Этим можно отчасти объяснить резкое увеличение убийств из хулиганских побуждений, особенно заметное после принятия новых уголовных кодексов союзных республик, специально предусмотревших состав убийства из хулиганских побуждений. Естественно, с учетом требований квалификации сегодняшнего дня, часть убийств, которые по данным 1924, 1927 и 1934 гг. входят в убийства из мести, ревности, в убийства в ссоре, в действительности увеличили бы контингент убийств из хулиганских побуждений.

Помимо прочего, эти показатели, являясь общими, не выделяют особенностей, характерных для различных районов и областей, что несомненно имеет важное значение для успешной работы по предупреждению преступлений против жизни. На самом деле, как показывает сравнение общих и частных (по отдельным областям) данных, эти особенности могут быть весьма значительными. Так, например, убийства из корыстных побуждений по результатам обобщения практики Верховного Суда РСФСР за 1966 год, как мы уже указывали, составили 7% всех убийств. В Саратовской области этот же контингент убийств составил 4,5%, а в судебной практике Марийской АССР в 1965—1966 гг. убийства из корыстных побуждений вообще не встречались. Последнее представляет несомненный научно-познавательный интерес для характеристики умышленных убийств и должно быть учтено при планировании профилактической работы.

При сравнении опубликованных данных о мотивах убийств за 1964 год и полученных в результате нашего исследования (1966 г.) видно, что по ряду мотивов эти показатели почти совпадают: корысть (8,8 и 7,0), хулиганские побуждения (29,4 и 25,0), ревность (11,3 и 11,1).

Наряду с этим наблюдается резкое несоответствие данных об убийствах из мести (19,1 и 37,7). Это несоответствие в значительной мере объясняется видимо тем, что во всех проводимых исследованиях мотивов убийств (1924, 1927, 1934, 1958 и 1964 гг.), на которые мы ссылались, в классификацию мотивов были включены, наряду с другими побуждениями, ссора и драка. Отнесение к мотивам убийств таких обстоятельств, как ссора и драка, является не-

удачным. Мотив — это внутреннее побуждение лица к совершению преступления. Ссора же и драка — «всего лишь обстоятельства убийства, бесспорно совершенного по какому-то определенному мотиву».¹ В криминологическом плане подобная классификация мотивов особенно неудобна, так как изучение состояния и динамики преступности по таким схемам может дать не совсем правильную картину.

По изученным нами делам об умышленных убийствах, совершенных в 1961 году в Татарской АССР, оказалось, что убийства в ссорах и драках были совершены по следующим мотивам: месть (58%), хулиганские побуждения (37%), ревность и прочие мотивы — 5%. Поэтому количество убийств, которое совершается при таких обстоятельствах, как ссора и драка, должно распределиться по их действительным мотивам.

Обобщение судебной практики дает основание сделать вывод, что убийства из мести в совокупности с убийствами из ревности и других личных побуждений, т. е. убийства, совершаемые по бытовым мотивам, образуют примерно половину всех убийств. Немало убийств (примерно 1/4) совершается еще из хулиганских побуждений. Убийства, совершаемые по иным мотивам, встречаются значительно реже.

Таковы наиболее распространенные мотивы убийств.

Важное криминологическое значение мотива выражается также и в том, что именно он наилучшим образом освещает ближайшие конкретные причины преступного деяния, показывает, из чего и как складывались неблагоприятные условия формирования личности; в мотивах конкретизируются факторы, вызывающие антиобщественную установку личности. Мотив раскрывает потребности и стремления, чувства и интересы, привычки и взгляды лица, его характер, т. е. все, что может объяснить, почему данное лицо решилось на преступление. В диссертации указанное положение основано на результатах конкретных социологических исследований, проведенных автором, подтверждающих определенную связь мотива убийства и социально-демографических данных, характеризующих личность убийц (пол, возраст, образование, род занятий, семейное положение и других).

Диссертация заканчивается параграфом, в котором рассматриваются процессуальные вопросы установления мотива по делам об убийствах.

В выводах и предложениях, на основе изучения практики применения уголовного законодательства, даются в порядке *de lege ferenda* рекомендации по совершенствованию законодательства по борьбе с убийствами.

¹ С. В. Бородин. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., изд. «Юридическая литература», 1966, стр. 120.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ
СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. Рецензия (в соавторстве) на учебник «Советское уголовное право. Часть особенная». Изд. МГУ, 1964.—«Советская юстиция», № 20, 1965.
2. Понятие мотива преступления по советскому уголовному праву.—Сб. аспирантских работ (1965 г.). Гуманитарные науки. Казань, 1966.
3. Социально-психологическое содержание мотива преступления и квалификация убийств. В сб. «Итоговая научная конференция Казанского университета за 1966 г. (краткое содержание докладов)». Казань, 1967.
4. Понятие мотива по уголовному праву Англии и США.—«Правоведение», № 3, 1967.
5. Некоторые вопросы квалификации корыстных убийств.—(Принята к печати) в сб. «Вопросы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства СССР и союзных республик». Изд. Казанского ун-та.

294721

